

18+

Анастасия Косарева

Несколько подарков с пометкой «Для Золушки»

Анастасия Косарева

Несколько подарков с пометкой «Для Золушки»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66211822

ISBN 9785005524133

Аннотация

Школьная жизнь жестокая и беспощадная. Стоит облажаться один раз, и прозвище «неудачник» будет с тобой до окончания школьных дней. Но главной героине это не грозит, ведь Эля колесит по стране вслед за своей матерью, не давая себе возможности вновь ошибиться в людях. Останется ли она в новом городе, если влюбится и всё-таки найдет друзей? Как она справится с проблемами, если неприятное прошлое настигнет в самый неудачный момент?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	32
Глава 4	45
Глава 5	54
Глава 6	63
Глава 7	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Несколько подарков с пометкой «Для Золушки»

Анастасия Косарева

© Анастасия Косарева, 2024

ISBN 978-5-0055-2413-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Каждый человек думает о том, что такое жизнь, дружба и любовь, начиная с самого раннего возраста – с детского сада. Лично у меня с этим временем связаны, наверно, самые прекрасные воспоминания.

Если честно, ходила я туда без особого энтузиазма. Вокруг незнакомые взрослые и дети, им всем от тебя что-то нужно. Девочки рассматривают тебя с ног до головы, обсуждают друг с другом твои косы, банты, цвет одежды. О том понятии «дружба», которое я рисовала в своей маленькой голове, не было и следа, а фраза: «Дашь печенючку – буду с тобой дружить» удивляла. Поэтому возилась я постоянно с мальчиками, строила из конструктора дома и гаражи, играла с ними в «войнушки» и машинки. Мне казалось, что именно мальчишки умеют дружить. Они дове-

ряли мне своих черепашек-ниндзя, солдатиков и пистолеты, в том числе тот, кто нравился всем девочкам группы. Всем, кроме меня.

Именно с детсадовского стула я узнала, что такое змеиная девчачья дружба, зависть и как они проявляются.

Когда ты подрастаешь и идешь в школу, все повторяется снова. Есть тот, кто нравится почти всем, кроме тебя, и, как назло, ты с ним в отличных дружеских отношениях, что влечет за собой оскорбления в твой адрес, буллинг и прочие нежелательные действия. И именно в школьные годы ты узнаешь, что дружбы между мальчиком и девочкой быть не может, так как одна из сторон обязательно влюбится. Что касается девчачьей дружбы, то тут все без изменений.

Но я ломаю стереотипы. И это делает меня особенной.»

Глава 1

Солнечные лучи пробивались обрывками сквозь жалюзи, касаясь светло голубых беленых стен палаты. Эти тоненькие жёлтые полосы света плавно играли на прикроватной тумбе и томике «Мёртвых душ».

Сопение прекратилось. Алиса пошевелилась и потерла глаза. Перед ней сидела женщина лет сорока, приятной внешности с огромными карими глазами и в красивом платке на голове.

– Мама, сколько времени? Я проспала? Мне снился странный страшный сон. В глазах все плывет... – и девушка приложила руку к бледному лбу.

– Скоро придет медсестра и поставит тебе капельницу. Тогда станет легче. – женщина сжала руки и попыталась проглотить ком, вставший поперек горла так, что дышать было тяжело.

Алиса оглянулась вокруг. Она лежала на больничной кровати, в окружении ваз с цветами, среди которых красовались её любимые пионы и ирисы. За окном шелестели молоденькие листочки деревьев. Аромат свежескошенной травы вместе со свежим воздухом влетал в слегка приоткрытое окно. Весна...

– Значит, это был не сон? И сколько? – все так же слабо спросила Алиса.

— Много. — холодно ответила женщина.

— Мама, зачем меня спасли? — по щекам девушки потекли слезы.

— Хороший вопрос. — женщина встала и направилась к окну. — Наверное потому, что ты моя дочь и имеешь право на счастливую жизнь, — она распахнула жалюзи, и замерла, — я должна тебе кое-что рассказать.

— О чём? Я могу что-то не знать? — Алиса зажмурила глаза от яркого солнца.

— О моей жизни, о моей молодости, о твоём отце. Ты не знаешь, что было между нами, ведь мы с тобой никогда не разговаривали как подруги. Но я обещаю, что моя история изменит твоё отношение ко мне и к той причине, которая заставила тебя взяться за таблетки. Слушай меня внимательно, милая моя.

В тот день я проснулась в новом доме, в своей новой комнате, заставленной коробками с вещами. Тогда я думала, что жить можно относительно легко, без проблем, брать всё и сразу. И не заметила, как с каждым переездом всё ближе и ближе подбиралась к тупику.

Тогда была последняя неделя августа. Я перешла в одиннадцатый класс. Новая школа, новые люди. Я знала наизусть все слова, которые мне говорили преподаватели при знакомстве. К тому времени я имела небольшой горький опыт за спиной, что тянуло меня от людей прочь.

В ту неделю я хотела насладиться всей прелестью одино-

чества сполна и до ближайшего переезда. И тогда я не знала, что этот город станет конечной точкой в списке, и растопчет часть моей жизни окончательно. А пока он лишь преподносил мне подарки, чтобы заманить поглубже, задурманить, чтобы я сбилась с пути и никогда не смогла покинуть его.

Это были выходные, обычные для меня, рабочие для мамы. С мамой дела обстояли так же, как и у нас с тобой. Либо её не было дома совсем, либо она была дома со всей съемочной группой. Мы общались мало, порой только на вечеринках, которые устраивали по праздникам, и были ни матерью и дочерью, ни подругами. Чем-то средним, и порой, спасительным. Конечно, в моей жизни она участвовала, но не тогда, когда это было нужно.

Именно в тот день, когда все началось, она задержалась дома.

Проснувшись я нехотя, в голове витали обрывки последней вечеринки, устроенной в честь приезда моей мамы.

Резко встав с кровати, я поняла, что такое похмелье. Пить не мой конек, но вчера я решила стать взрослой в глазах одного паренька. Кусок идиота.

Сделав несколько шагов, я чуть было не рухнула носом в пол, зацепившись ногой за одну из оставшихся коробок с вещами.

Я тщательно умылась и рассмотрела своё лицо еще раз. На самом кончике моего носа красовался огромный красный

прыщ. На лице блондинки со светлой кожей этот бугорок был сравним с красным клоунским носом: заметно и смешно.

– И какая зараза влюбилась?!

Замазать сие счастье не удалось, поэтому я оставила эти тщетные попытки.

При выходе из ванной я окинула спальню взглядом. Она была просторной и светлой. Гораздо лучше предыдущих. Было только два минуса. Первый: окно было напротив двери. От любого сквозняка я могла слечь с соплями. Второй: ненавижу, когда дверь в ванную напротив кровати. А в целом... Темная дубовая кровать, прикроватные тумбы, шкаф, под окном компьютерный стол и кресло, которое больше напоминало подушку, бледно-синие обои. О, как я вопила от восторга, когда увидела их в магазине... Пол покрывал темно-синий ковролин, а сверху свисала люстра с ужасными зелеными плафонами в виде цветов.

– Эля! Вставай! Завтрак практически готов! – слышался приятный мелодичный голос снизу.

Я накинула халат, распахнула дверь, но резко остановилась в проеме. Краем глаза я уловила движение на подоконнике. Переведя взгляд на окно, я увидела красивую черную кошку. Она смиренно сидела на широком подоконнике и жалобно смотрела на меня огромными зелеными глазами.

– Эй! А ты что здесь делаешь? Откуда ты взялась? – я взяла кошку на руки. Она была невероятно мягкой и пушистой

урчалкой.

Мама позвала меня еще раз, но уже настойчиво. Здесь было два варианта: либо я спускаюсь сама, либо она приходит за мной. Второй вариант меня не устраивал, ибо я обещала разобрать коробки с вещами еще вчера. Половина из них стояла среди комнаты и давила мертвым грузом на дно моей совести.

Я схватила животное и спустилась вниз. Ступеньки были неудобные, поэтому с последних двух я почти скатилась.

Вот, вот оно – королевство вкусной и здоровой пищи! Теперь стены были не бежевого цвета, как было раньше, а зеленого с белыми ромашками, кухонный уголок зеленого цвета со множеством полочек и ящичков, да к тому же висела люстра, подобранная наконец-то в тон обстановке. И та, кто стоит посередине комнаты с лопаткой в руке – это моя мама.

Аделаида Эммануиловна обладала не только такими качествами, как доброта, безбрежные радость и любовь ко всему, что только есть на планете, но и красивой внешностью. Именно это личико представляло фирму по изготовлению и продаже всего, что только нужно для благоустройства дома, начиная от грунтовки и заканчивая туалетной бумагой. Так же ее лицо представляло многообразные модельные агентства, фитнес-центры, клубы для всей семьи, и так далее. Она работала фотомodelью. С её яркой натурой, как мне кажется, просто невозможно работать где-нибудь в другом месте. Красота мамы пленила взгляды окружающих сво-

ей неповторимостью, а самое главное родинкой над алыми губами. Длинные каштановые вьющиеся волосы постоянно лезли в зеленые глаза, редко касались остренького, но аккуратненького носика, а иногда капризничали при очередной укладке.

Сейчас она стояла около плиты, дабы пирог в духовке не превратился в ежевичный сухарь.

– Доброе утро, мамуля! Как спалось? – я жадно втянула носом аромат выпечки. Кошка вырвалась из рук и пометила угол стены. Я поняла, что это не кошка и принялась запыскивать кошачью метку освежителем воздуха.

Мама обернулась и уставилась на меня самым строгим взглядом.

– ЧТО ЭТО? – акцент был на первое слово.

– Судя по метке, это кот. Я разбирала коробки и не заметила как он забрался на подоконник. Он такой классный. Может, соседский? – предположила я.

Мама опять пристально посмотрела на меня:

– Посмотри ярлычок на ошейнике у котика. Может, есть адрес?

Я взяла кота. Он стал мурчать так громко, что вибрация разносилась по всей грудной клетке.

– Да, на ярлычке указан наш адрес. – я поднесла кота к маме и показала бирку.

– Верно. – констатировала мама, посмотрев на ярлычок. – Ну, хорошо. Я как раз хотела тебе предложить взять собаку

или кошку. Всё равно друзей ты не заводишь. А так, хоть разговаривать с собой перестанешь.

– А тебя не смущает, что его неожиданное появление слишком навязчиво? Интересно, чьих рук дело?.. – призадумалась я.

– Может, это кто-нибудь из твоих поклонников? Например, тот, с которым ты веселилась вчера на танцполе, тот светленький! – мама ехидно улыбнулась и отвернула взгляд.

Мои щёки запылали огнем:

– Мама, не говори ничего больше, мне стыдно.

– Да, кстати, на правах твоей матери, напоминаю, что я не приветствую пьянство, да еще в столь юном возрасте. Твоя доза четыре бокала БЕЗАЛКОГОЛЬНЫХ мохито. И, пока не забыла, сходи в магазин и купи коту лоток, миску и корм. И запиши его в клинику, надо будет показать его ветеринару. – она погладила животное и брезгливо стряхнула с руки шерсть. – Линяет, зараза!

После длительного завтрака и обсуждения конфуза вчерашней вечеринки, все трое отправились по своим делам: мама поехала на работу, я заказала коту все, что необходимо, через интернет-магазин и ушла делать уборку в своей комнате. Третий житель нашей обители тихо лежал на холодильнике, загружаясь проблемами бытия.

Уже вечером, когда вещи были практически разобраны, я не могла найти себе места, потому что никак не могла придумать имя коту. Прошерстив несколько сайтов, я останови-

лась на Люцифере.

В кармане халата завибрировал мобильный.

Звонки с неизвестными номерами я не принимала, но сегодня у мамы могло случиться все, что угодно, поэтому я без колебаний сдвинула зеленую трубку на экране смартфона.

– Привет, Золушка! Как дела?

Я тут же сбросила звонок и с ужасом поняла, что мой новый номер он нашел еще быстрее, чем в последний раз. Только не сейчас! Ненавижу!

Глава 2

На часах было без десяти семь. Я потянулась в кровати и без промедлений встала. Аккуратно перешагнув через спящего кота, я остановилась у окна и позволила себе с минуту понаблюдать, как люди, подобно муравьям, выползают из своих человеичников, усаживаются в автомобили или быстрым шагом идут к ближайшей остановке. Мне нравится созерцать быстротечность времени, оставаясь вне этого потока. Но, в этих людях не было ничего особенного и нового. Недовольные лица сливались в серую массу, темные тона одежд дополняли гримасы. Поток мрачного недовольства скользил по улицам с самого утра день за днем.

И у меня каждое утро было однотипным: умыться, привести лицо в порядок, позавтракать. Стабильность в этих действиях была единственна.

Я неохотно натянула джинсы с толстовкой, и неторопливо пошла завтракать.

Да, я была «серой мышкой». Спортивный стиль и потрепанность нарядов отпугивает людей. Конечно, мне хотелось завести друзей, общаться с одноклассниками, ходить с ними в кино и торговые центры, но, зачем, если мы рано или поздно переедем в другой город?

– Эля, давай быстрее! Мы можем опоздать!

Мама носилась, как ненормальная по всему первому эта-

жу, но уже к этому времени она прилично выглядела. Если бы сняла бигуди и надела капроновые чулки до конца, то можно было бы сказать, что она готова. Сейчас он шаркала ногами по полу, в страхе навернуться, наступив на сползший чулок.

Я кинула рюкзак на пол рядом с кухонной стойкой и налила себе кофе.

– Проспавшим гейшам доброе утро!

– Ни капли не смешно! – мама села за стойку напротив меня и распаковала тушь, – Давай быстрее! Мы опаздываем!

– Зачем тебе краситься, если твои визажисты смоют все это и нанесут слой штукатурки сами?

– Потому что примета такая: выйдешь не накрашенная – встретишь всех знакомых!

– Ма, каких знакомых? Мы здесь и месяца не прожили!

– Ну, это ты ни с кем не знакомишься, а я очень даже. Да и сама знаешь, моя физиономия на каждом втором билборде.

Я прищурилась и присмотрелась к её макияжу:

– Ты левый глаз специально не докрасила или это новый стиль?

Мама присмотрелась в зеркало и рванула в ванную, припоминая Ежиного кота и чью-то маму. Я продолжила:

– Тем более мне торопиться некуда. У меня уроки начинаются с половины девятого.

Я пересела за кухонный стол, и стала цедить кофе малень-

кими глоточками, пляясь в окно.

– В таком случае, поедешь в школьном автобусе... – и мама зло улыбнулась, выглядывая из ванной. Она докрасила лицо и натянула чулки, намертво зацепив их подтяжками пояса. Вот только эти бигуди...

Я подавилась бутербродом. Откашляв злосчастный кусочек белого хлеба, я сделала вид, что ничего не слышала, и подперла подбородок рукой. Но сама мысль, что я поеду в наземном транспорте, нагоняла на меня страх.

– Так и знала. Мам, ты меня так напугала! Сейчас поседею от испуга. Где мои подгузники? Да сними ты бигуди! Ты в них на бабуську похожа!

– Не иронизируй! У тебя это никогда не получалось. – мама подняла указательный палец правой руки вверх и увидела часы, – Я побежала! До вечера! Удачи тебе в школе!

– Ага. Пока, мам. Удачного рабочего дня! Бигуди сними до конца!

Последнюю фразу мама не услышала.

Я повернула голову в сторону. Невольно мой взгляд упал на бедного питомца. Эта наглая морда была настолько жалостлива, что мне хотелось отдать ему всё, до последней сосиски. Я потрепала его по царскому воротнику на шее:

– Пойдём, мой сладенький! Мама тебя покормит!

Времени до автобуса мне хватило и на мытье посуды после вчерашнего ужина, и на прочистку посудомоечной машины. Я решила, что в следующий раз буду спать на полчаса

дольше, чтобы это ожидание приносило мне хоть какую-то радость и пользу. Но автобус подкатил вместе с волнением. Выхода не было, учиться надо. И, думая о своём светлом и таком близком будущем, я закрыла за собой дверь.

Сказать, что мест в школьном автобусе не было – это культурно промолчать. Посадить свою тощую попу было куда тяжелее, чем прочитать «Войну и мир». Дорогу преградил симпатичный светловолосый парень.

Именно с ним не так давно я оттанцовывала на вечеринке, которую устроили новые мамыны сотрудники в честь её приезда. Мне захотелось провалиться сквозь дно автобуса.

– Привет! Меня зовут Слава Калинин. Ты, наверное, не помнишь.

Я виновато улыбнулась и протянула руку:

– Эльвира, но можно просто Эля.

Парень пожал мою тоненькую ручку и продолжил:

– Присаживайся рядом. Я даже освобожу тебе свое любимое место у окна, чтоб тебя не укачало.

Я проснулась окончательно:

– А откуда ты знаешь, что у меня слабенький вестибулярный аппарат?

– После того, как мы долго кружились, я это наглядно увидел. – и парень широко улыбнулся в свои 32 белоснежных зуба.

Мне стало ужасно стыдно в этот момент. Я помнила только фрагменты того злосчастного вечера.

– Я надеюсь, я не на тебя...

– Нет, ты что! Вот официант в этом ресторане, как мне кажется, больше не захочет тебя обслуживать из принципа.

– Какой кошмар... – я закрыла пылающее лицо руками.

– Да, ладно тебе, всё в порядке! Меня туда теперь вообще пускать не будут. Я вышел через окно, перепутав его с дверью. Так, правду говорят, что пьяных ничего не берет! Ни одной царапины!

– И часто ты в такие истории попадаешь? – я решила уточнить на всякий случай, а то мало ли.

– Последние полгода частенько. Зато есть что вспомнить, есть над чем посмеяться. До сих пор не понимаю, откуда в моей коле взялся виски! Я на самом деле не пьющий. Узнаю, кто это сделал, ему не поздоровится. Накостыляю так, что до конца своих дней помнить будет.

По дороге до школы Слава занимал меня своими рассказами. Тогда я поняла, что не одна попадаю в передраги.

Через полчаса я оказалась в прекрасном саду, который окружал школу. Само здание выглядело довольно-таки современно: три этажа, отдельный корпус для различных лабораторий, огромные окна, сезонная уличная столовая. Да и кабинеты были оборудованы по последнему слову техники. Бежевые стены, дневное освещение, современные и мощные компьютеры, лаборатории и огромнейшая библиотека. Это был Рай на земле для тех, кто любит науку и хочет развиваться.

Слава был галантен. Он показал мне школу, что и где находится, куда стоит ходить, а куда и нос совать не следует. Но он был чем-то обеспокоен.

– Кстати, тебя хотели посадить с новеньким.

Откровенно говоря, Слава мне понравился. И я рассчитывала на то, что сяду вместе с ним, тем более это единственный человек, с которым я знакома. Он был довольно милым, чтобы променять его на неизвестного новенького.

Мы подошли к кабинету.

– Состав класса поменялся год назад. Практически все ушли в технари и колледжи. Из стареньких нас всего шестеро. Остальные – заблудшие души смертных из других школ. – он хихикнул и отвлекся на телефонный звонок.

Стоило мне немного оторваться от Славы, как началось это великолепное знакомство. Обычно, люди не подходят ко мне сразу. Они присматриваются, принимают, прислушиваются. Но эти сломали систему, наработанную годами.

Первой подлетела брюнетка невысокого роста, на 10-ти сантиметровых шпильках, с ярким макияжем и длинной завитой шевелюрой. Её внешности можно было позавидовать. Осиная талия, стройные ноги. Да и на таких каблуках она держалась круче модели.

– Привет! Я Таня Соломахина! А ты та самая Эльвира, про которую все только и говорят?

Но была в ней ложка дегтя – это её противный голос. По сравнению с выпью, последняя была куда приятнее слуху.

Следующая просто орала:

– А я Алла Старенко! А где ты живешь? Вечеринку устраивать будешь?

И масса других людей, которые задавали однотипные вопросы, но как-то не в свойственной манере. Я не успевала ответить на один, как задавали два и было такое ощущение, что им было важно задать вопросы, а не получить на них ответы.

Но одна девушка осталась стоять в стороне. Она демонстративно отвернулась к стене и продолжила читать учебник дальше. Невысокая, с длинными темно-русыми волосами, в красном свитере, синих джинсах и кипенно-белых кроссовках. Она как-то диковато на меня посмотрела, словно волчица на мимо пробежавшую закуску.

На моё счастье прозвенел звонок. Подошла классная руководительница и открыла нам дверь.

Судя по внешнему виду классного руководителя, можно было сказать, что женщина шла в одну ногу с повседневным стилем, наступая этой ногой на моду так, что та пищала от несправедливости.

Класс распространился по кабинету, словно муравьи. Я же стояла как вкопанная в дверях класса. Места свободные я видела. Их было три. Одно рядом с Димой Лариным, второе по соседству с Анжелой Абринской, третье со Славой. Хоть бы рядом с ним...

– Здравствуйте, дети!

Все встали. Я же осталась стоять неподалеку от входа в класс.

– Хочу представить вашему вниманию новых учеников 11 «В». Это Эльвира Русо и Науменко Сергей. Сережа, в следующий раз не опаздывай, иначе в класс не впущу.

В кабинет вошел он: черные туфли, черные джинсы, черный пиджак на белую футболку, серые глаза, темно-русые волосы и ослепительная улыбка, затмевающая собой блеск золотых часов на левой руке. Меня передернуло от этой приторности, в горле образовался комок, а на глаза навернулись слезы. Но я обещала себе не плакать больше. Собрав волю в кулак, я незаметно промокнула влагу с глаз рукавом толстовки и пристально посмотрела в лицо «новенького». Учительница тем временем продолжала:

– Ребята, расскажите немного о себе. Давай, Сереженька, начинай. Эля, ты не против?

Я отрицательно мотнула головой.

Все затаили дыхание в ожидании.

Раздался мягкий, бархатный голос.

– Я – Науменко Сергей. Мне 18 лет. Играю на рояле и гитаре. Люблю гулять в зеленых зонах. Переехал сюда с матерью. Отца нет. Мама фотограф. Есть девушка, чтоб дамы знали. Вроде бы всё. Передаю слово моему товарищу по несчастью.

Я вздрогнула и попыталась говорить спокойно.

– Я Русо Эльвира. Ударение на «о». Мне 17 лет. Люблю

писать стихи и рисовать. Спокойная, социофоб. Мама модель, отца нет. Спасибо за внимание.

«Какого черта он тут делает? Или у меня галлюцинации?»

Анна Фёдоровна хотела посадить меня с Анжелой, но Слава неожиданно встал со своего места:

– Анна Фёдоровна, пусть новенькая сядет рядом со мной. Я ведь староста в классе, поддержу, помогу влиться в новый коллектив.

Учительница призадумалась:

– А ты прав, пусть сядет к тебе. Так будет лучше. – она обратилась ко мне. – Садись к Калининцу Славе, а ты, Сереженька, к Анжелике. Отлично! Теперь перейдем к уроку русского языка, я вас попрошу написать эссе на тему: «Что для меня значит любовь». Тема сложная, поэтому продумайте хорошенько, что и как вы будете писать. Даю неделю, а после уже будем к экзаменам готовиться. Если сочинение мне очень понравится, если там ясно отобразится суть и смысл вашего изложения мысли, я поставлю оценку и за русский, и за литературу. Всё понятно? Если нет вопросов, то пишем! А то в прошлом году сочинения ваши читала и плакала от разочарования. А как вы провели лето, пусть останется загадкой для всех хотя бы на этот год.

– Извините, а писать нужно обобщенно или конкретно про кого-то? – Сказал Науменко и покосился на меня.

– Серёжа, пиши, что угодно. Самое главное, чтобы это было корректно оформлено и отображало твою позицию отно-

сительно поставленной темы. Всё, приступайте! На следующей неделе я буду вас слушать! А я пока вам материал буду подбирать для подготовки к ЕГЭ. Когда его отменят уже...

Мы сидели среди тишины, делали наброски сочинений. В голову не лезло ничего, кроме колких воспоминаний. Тогда листья были такими же желтыми, а воздух чуть холоднее, кажется. Мы сразу возненавидели друг друга и отпускали в адрес друг друга колкости. А в один прекрасный день я поняла, что влюбилась.

На мое счастье послышался длинный и пронзительный звонок. Ученики высыпали в коридор и с каждой секундой шум и гам становились все громче и громче.

Я вновь облюбовала подоконник. В других школах я сидела обычно на нем в одиночестве и готовилась к следующему уроку. В этот день и эта привычка осталась в прошлом.

Науменко, как казалось ему, тихо подкрался сзади:

– Извини, у тебя не занято? Можно я присяду?

Я молча сдвинула учебники в кучу правой рукой, освободив немного места.

– А почему ты одна сидишь? – продолжал он.

Я захлопнула учебник и повернула голову к нему.

– В одиночестве мне спокойнее. Там, где есть люди, также есть ложь, сплетни и масса других гадких вещей. Ты уверен, что мы раньше не виделись? – я думала, что у него амнезия, тогда бы это все объясняло.

– Я уверен в этом на сто процентов. – Сказал Науменко и,

открывая бутылку с водой, хотел добавить что-то ещё, но я его перебила.

– Каким ветром твою семью занесло в эти края?

– Да, мама здесь работать будет. Контракт подписала вчера. Фотомодель, говорят, такая вредная есть! Всё ей не так! Не с того ракурса сняли, не так грим наложили, не так платье погладили, не так плюнули. Всё приходилось переделывать раз по десять. И предыдущий фотограф не выдержала, уволилась! Так теперь придётся маме мучиться с ней! И имя такое странное... Ада. – он сделал глоток.

– Знаю эту вредину, – мои губы растянулись в улыбке – Она моя мама.

Науменко подавился, и с выпученными глазами прошептал:

– Да ладно!!! Сколько же ей лет?

– Вредине 36 лет! И если ты ее увидишь в потрепанном халате и в бигуди, не обращай внимания. Наш дом, как переговорный пункт. Там самое подходящее место для подписания разных контрактов и разговоров о работе! А, как известно, мамы постоянно норовят взять ребёнка с собой. Поэтому ты частенько будешь появляться у нас дома! И девушку ты тоже можешь брать с собой. Мама будет рада видеть у нас молодежь.

Я нагло соврала. Я лично не буду рада видеть его. Но почему он ведет себя так, словно мы не знакомы?

– А ТЫ будешь рада? – он широко улыбнулся.

– Я общительная. Думаю, что с твоей девушкой найду общий язык. – холодно ответила я, представляя, как медленно закапываю соперницу свежей землей рядом с ним.

Науменко почесал затылок, оглянулся по сторонам и вплотную пододвинулся ко мне:

– Хотя, знаешь, я соврал там, в классе. Девушки у меня нет. С ними у меня не клеится. Они узнают, что в моей семье водятся деньги и начинают требовать подарки и походы по магазинам. А я на свои гулянки зарабатываю сам, поэтому, когда они понимают, что им ничего не обломится, долго не задерживаются. Кстати, может, будем друзьями?

Последнюю фразу он прошептал мне на ухо так, что мурашки затанцевали на спине лизгинку.

– А ты головой в последние года два не бился нигде, нет? – я самым серьезнейшим взглядом посмотрела на него. Он же не понял, что это была не шутка и продолжил.

– Нет, не бился. Так что на счет друзей?

– Хм, не против! Но только давай договоримся сразу, что я не буду одной из твоих кандидаток, хорошо? Мне прошлого раза хватило. – я отодвинула его от себя рукой.

– Договорились. Извини, но теперь такие, как ты не в моем вкусе. – он встал с подоконника.

– Тогда сдружимся. – я похлопала его по плечу и отошла подальше, на комфортное расстояние.

Позади нас раздался голос:

– Уже новые дружеские отношения?

Калинин долго стоял за нашими спинами, и, на удивление, злился. Он пристально смотрел в глаза Науменко, сжав губы в тонкую полоску.

Этот батл мог продолжаться бесконечно, если бы не звонок на урок.

– Я был в учительской, попросили передать, что алгебры и геометрии не будет. Марина Алексеевна заболела.

Над самым ухом прозвенел звонок на урок.

– Новенький, в кабинет заходим, а то мало ли сбежишь с урока. – Слава встал около двери в кабинет в ожидании, пока Науменко войдет.

– Знаешь ли, не в моих правилах прогуливать школу, и я люблю поэзию. Проходи, Эля. Дамы вперед. – он пропустил меня и вошел следом, задев плечом старосту.

Поэты «серебряного века» навели на меня тоску по прошлому времени. Я вспомнила, как гуляла с ребятами по городу, как мы бесились на выходных, как я ходила с ним за руку... Я невольно покосилась на него и поймала ответный взгляд. Слава же скрипел зубами и старался делать пометки в тетради.

После окончания второго урока я, как обычно, пошла к автомобильной стоянке. Мама всегда забирала меня из школы. Но, вспомнив, что она меня сегодня не заберет, решила пройтись до дома одна...

Я подсоединила наушники к телефону в предвкушении наслаждения бешеными ритмами ударных, и сделала шаг

вперед...

Передо мной, словно из ниоткуда, вырос Сергей.

– А почему ты одна? Где твой ухажер?

Я отпрыгнула от испуга назад и перевалилась через бордюр, зацепившись за него ногой.

– Да чтоб ты провалился!!! Тебе заняться больше нечем? – орала я на него, распластавшись звездой на газоне.

«Ну, вот. Ни музыки, ни наслаждения, ни спокойной дороги.»

– У тебя нервный тик? – ехидно спросил Серый и подал мне руку.

– Нет, просто иногда хочется запустить в человека чем-нибудь тяжелым, чтоб неповадно было пугать!!! Это надо же так, а? – я потеряла пятую точку и стряхнула землю и пыль с джинс. В щиколотке заныло и закололо. Я тщетно пыталась встать на стопу, получая взамен острую боль.

– А что это вы тут делаете? Что произошло? – слышался голос старосты.

– Я пытаюсь уйти домой, но вот только не получилось.

Голень заметно распухла, кроссовок стал нестерпимо давить.

– Что с ногой? Когда ты успела? – удивился Калинин.

– Мне много времени не надо.– констатировала я и сделала шнурок слабее, – Как теперь идти... Ступить больно. И мама, как назло, не приедет.

– Женщины стойко переносят худшие горести, нежели те,

из-за которых они проливают слезы. Такси вызвать не судьба? – с умным видом произнес Сергей.

– Да пока мы тут будем такси ждать... – начал говорить Слава и подхватил меня на руки.

– Слава пусти! Калинин, поставь меня на место! Отпусти, сказала! – вырывалась и брыкалась я, получая укол боли в ногу в ответ. Слава остановился:

– У тебя болит нога?

– Да. – со слезами на глазах пискнула я.

– Тогда молчи и сиди спокойно, а то вон та пара, – указал он на парочку по ту сторону дороги, – собирается в полицию позвонить, как мне слышалось. Я отнесу тебя до травмы. И даже не спорь со мной.

Я успокоилась и замолчала. Слава развлекал меня забавными историями про школьных товарищей, а Сергей плелся за нами, как приبلудный Бобик.

В травме сделали рентген, но не обнаружили ничего серьезного. Намотали эластичный бинт и отправили меня в аптеку за мазями и болеутоляющими. До дома я ехала на такси, а пара увязалась за мной.

– Ну вот! – Калинин открыл мне дверь машины и помог выйти.

– Спасибо. Надеюсь, ты не надорвался. Я все-таки не килограмм вешу.

– Все в порядке. Ты и вправду очень легкая. – Слава поправил прядь моих волос и смущенно улыбнулся.

– Подумаешь, через бордюр улетела! С кем не бывает? – протянул Науменко. – Эля, тебе помочь дойти до комнаты?

– Науменко, а тебе не кажется, что пора свалить? Мы тут сами разберемся. – встрял в разговор Калинин.

– Да без проблем. До завтра, Эля! Напиши мне вечером, как ты. Мой номер у тебя есть.

Калинин проводил взглядом Науменко и повернулся ко мне:

– Эля, ты сможешь сама передвигаться? Может, тебя в дом занести?

Я нехстати вспомнила традицию заносить невесту в новый дом и от помощи отказалась, но отпускать его мне не хотелось.

– Спасибо, но добраться до комнаты я смогу самостоятельно. Может, просто так зайдешь? – я нечаянно коснулась его руки.

Он замялся, а его щеки вспыхнули красным цветом:

– Извини, мне надо бежать домой. Давай как-нибудь потом?

– Хорошо, настаивать не буду, но я твоя должница.

– Да ладно тебе, хотя это даже хорошо. До завтра! – он чмокнул меня в щеку и скрылся за поворотом.

И только дома до меня дошло, что он, кажется, мне нравится. Спустя долгое время я смогла отвлечься от боли и мерзкого ожидания подставы...

Вечером, сидя у окна, я пыталась написать сочинение,

но никак не могла сформулировать мысль, ведь, когда я, казалось, любила, последствия были ужасны.

Что может для меня значить «любовь»? Как вообще распознать это чувство? Может, это пятиминутное увлечение, может, это всего лишь наше воображение? Может, это придумано просто для того, чтобы мы мучили себя вопросом, что же это такое. У меня есть родители. Я их люблю. Следовательно, я знаю, что это за чувство.

Откинув от себя тетрадь, я поняла, что написать сегодня ничего не удастся. Мысли были о прошлом. Они мучили меня на протяжении долгого времени. Сколько ночей я не спала из-за него, сколько слез пролила, сколько просила Всевышнего дать мне сил, чтобы забыть его раз и навсегда!

*«Я каждую ночь тебя вижу во снах.
Там сердце мое ты держишь в руках.
И стоит тебе его взять понежнее,
В груди моей боль раздается сильнее.*

*Прошу, не терзай мою бедную душу...
Ты чувства пытаешься вырвать наружу,
От этих попыток меня оживить
Молчать не могу. Меня лучше убить...*

*Мне больно, пойми.
Прошу, отпусти...
Отдай свою боль...
Мое сердце верни...»*

Маму я не дождалась, лишь во сне я слышала, как в мою комнату приоткрывалась дверь.

Глава 3

Я глушила свои глупые мысли горячим кофе за завтраком, молча рвала булочку с сыром на мелкие кусочки, не съедая ни крошки.

– Девочка моя, что случилось? – приподняв правую бровь, спросила мама. Очевидно, она не замечала за мною такого поведения раньше.

– Ничего... – отмахнулась я. Опять достают идиотскими вопросами. И когда же это все кончится!

– Это никогда не кончится! – словно прочитав мои мысли, ответила мама. – Я постоянно буду интересоваться твоим поведением, разочарованиями и переживаниями. Такова моя натура! – и она слегка улыбнулась.

– Мама, всё в порядке. – нервно выдавила я из себя. Сейчас мне меньше всего хотелось делиться с ней.

– У тебя критические дни что ли? – подняла вторую бровь мама.

– Нет! Просто ничего не понимаю. Всё так сложно. – я откинулась на спинку стула и вытянула под столом ноги.

Мама выпучила глаза:

– У тебя друзья появились! Ух, наконец-то! А я переживать начала! Делаешь успехи! И двух месяцев не прошло! На этот раз ты быстро как-то! – и она злорадно хихикнула.

– Мама, если бы мы не переезжали два раза в год, то у ме-

ня друзей был полон дом! Только попробуй выкинуть что-нибудь на работе! Я тогда заставлю этот дом и кота волочить с собой на твоей спине!!!

– Неужели ты так хочешь тут остаться?!

– Не знаю, может быть – я громко поставила кружку на стол и выдохнула. На душе было паршиво.

– Я всегда думала, что ты любишь путешествовать... – она постучала пальцами по столу и растеряно пролепетала – Ну, ладно. Я постараюсь.

Я перевела дух и собралась с мыслями:

– Твоим фотографом будет мама моего одноклассника. Ты там будь аккуратнее в выражениях. Пожалуйста.

– Неужели он тебе понравился?! – перебила она меня.

– Нет. Я же сказала, что переезжать больше не хочу.

– Да, ладно тебе!!! Дочка, ну, наконец-то! А я уж было подумала, что тебе девочки нравиться начнут!

– Мама! Что ты, в самом деле? Не он мне нравится, и вообще, это моё дело. Не хочу обсуждать это. Лучше расскажи, как твои дела на работе?

Мама отодвинула косметичку:

– Ну, как тебе сказать. Лучше, чем на прошлой: ребята знают своё дело, вежливые, разговаривают грамотно, матом не ругаются, на рабочих местах все трезвые, даже грузчики. Все мои замечания учитываются. Даже не верится, что всё так хорошо. А того мальчика ты пригласи, хочу на него посмотреть.

– Так, мам, мне пора. Сейчас автобус подъедет. До вечера. – я схватила сумку, выбежала из дома, застёгивая куртку на ходу, и чертыхалась, проклиная вчерашний день: «Зачем нужно было обращать внимание на какого-то Славку! Ну, подумаешь, он со мной сидит, ну и что, что он с меня глаз не сводит! И этот ещё появился, как будто его звали! А мама, так вообще молодец!»

Тут я врезалась в Сергея.

– Очень доброе утро! – осунулась я, пытаюсь обойти его, но он преграждал путь, что бесило ещё больше.

– И тебе не хворать. – с улыбкой во все зубы ответил парень.

– Что ты... увязался за мной?! Я из-за тебя вчера чуть не убилась, так ты до конца решил дело закончить? Такие как я не в твоём вкусе, так что нечего поджидать меня у моего дома, понятно?

– Не стыдно? Стоишь и орешь на меня ни за что!

Я окинула его взглядом с ног до головы. Он как будто сошел со страницы глянцевого журнала, от него так и веяло лоском за версту. От переполняющих эмоций начало подташнивать:

– Уйди с дороги! Не хватало, чтоб я из-за тебя на автобус опоздала!

– Эля! – крикнул Сергей, практически втискиваясь между закрывающимися дверьми автобуса. – Эля! Подожди!

Он сел на свободное место впереди меня и повернулся.

– Эль, прости за вчерашнюю выходку! Ну, правда! Я не хотел тебя напугать! Как нога? А я вчера переживал вообще-то! – он положил голову на спинку сидения.

– Успокойся. Я и в самом деле странная. Мы ведь с тобой не знакомы, судя по твоему поведению, и раньше никогда не виделись. С чего бы мне от тебя помощи требовать? – я отвернула голову к окну, сложив руки на груди.

– Я и в самом деле мог помочь. Только ты Славе нравишься. Не стал мешать. Тем более, зачем нам лишние пересуды?

– Я поняла, но мне всё равно не приятно. Извини. – я затолкала наушники в уши и сделала музыку громче.

Девушки из класса завидовали просто черной завистью! Новенький за новенькой ухлёстывает! Только вот не объяснить этим сорокам, что мы больше не вместе, что нам с ним не по одной дорожке топать.

Около кабинета стоял Калинин. Я, прихрамывая, устремилась к нему.

– Слава, привет. Спасибо тебе за вчерашнее еще раз. – я посмотрела в его глаза и замолчала. Они такие светлые, такие красивые, голубые, словно озеро Рица... Я поймала себя на мысли, что мне не хочется отрываться от его глаз.

– Да, не за что! – ответил на слова благодарности парень, проводя рукой перед глазами.

Я очнулась и опустила взгляд., чувствуя, как щёки начинают пылать огнём.

– А почему тебя сегодня в автобусе не было? – я решила

замять эту неудобную ситуацию. Обычно, я всегда задавала вопрос в неловкой ситуации, чтобы отвлечь собеседника.

– Отец подвёз. А что?

– Да, я просто спросила. Не обращай внимания.

Сергей стал невольным свидетелем нашего разговора. Не знаю, какие он сделал выводы, но судя по его неадекватной реакции, можно было сказать, что самые верные.

«Посмотрим, как я не в твоём вкусе!»

На середине второго урока мне стало плохо. Горячий лоб, сонливость и слабость, першение в горле, виски сдавило. В медпункте ртутный термометр показал 38,2. Звонок маме, поездка домой, выслушивание нотаций о том, что я не надеваю шапку.

Прошла неделя.

Вскоре температура отступила, На протяжении этой недели я смогла осмыслить все свои слова, сказанные и не сказанные ребятам. И так уж вышло, что ко мне никто не приходил. Мама с кем-то разговаривала по телефону, но мне ничего не рассказывала. Никто не вспоминал меня. И ясен пень! Ни друзей, ни подруг. Единственных недотеп, и то, пыталась выдворить из своей жизни.

И только когда я, в ожидании школьного автобуса, сидела с кружкой кофе в руках за завтраком, мама решила меня ошарашить:

– Тебе звонил Слава и приходил Сергей, сын моего фотографа. Я их отправляла куда подальше, потому что они мог-

ли заразиться от тебя, да и ты бы тут героя из себя изображала. Так что скажи им спасибо за то, что узнавали о твоём состоянии.

Я подавилась бутербродом.

– А ещё Слава прислал тебе цветы с открыткой, но на лилии у тебя аллергия, и я не стала приносить их тебе в комнату. А открытку я не читала. Вот, держи. – мама достала из кармана маленький конвертик.

Я дрожащими руками схватила послание.»

«Выздоровливай скорее. Одному за партией не уютно.»

Сердце колотилось от волнения, захотелось вскочить со своего места и запрыгать от радости, но вместо этого я аккуратно убрала открытку в сумку и улыбнулась. Мама без лишних вопросов приняла моё молчание. Скорее всего, она всё знала.

Нашу немую сцену прервал сигнал автобуса.

И вот опять сумка, куртка, кот, дверь, автобус. Калинин помахал со своего места:

– Привет! Наконец-то! Как ты себя чувствуешь? Рассказывай!

– Доброго утра! Чувствую себя великолепно. Как у тебя дела?

Я не ждала такого восторга от моего появления, но было приятно.

– А я тебе звонил домой, к сожалению, мобильный номер спросить не успел. Со мной разговаривала твоя мама. У неё

приятный голос. И, несмотря на это, к тебе она наведаться не разрешила. А я уже апельсинов купил, цветов. Правда, последнее отправить успел.

Я засмушалась и покраснела, вспомнив про открытку.

– Да ладно тебе. Подумаешь, не пришел разок. Ничего страшного. – улыбнулась я. – А за лилии спасибо. Я только сегодня о них узнала. Мама не рискнула приносить их мне.

– Ну, разом бы ты не отделалась. Как нога? – перевёл он тему.

– Ну, не хромаю. Мази и таблетки помогли.

– Я очень даже рад! – Слава не скрывал восторга.

– А ты отчего такой радостный? – напрягала меня его оптимистичность с утра.

– Да, просто так. Ладно, мне надо параграф почитать. Вчера не успел из-за сочинения. – вспомнил Слава.

– Хорошо, я не буду тебя отвлекать. Потом расскажешь мне, о чём там было написано. – улыбнулась я.

На протяжении поездки до школы, вопросов больше не было, и я погрузилась в музыку своего плеялиста, который составила за завтраком.

Но сидеть рядом с ним оказалось не просто. Я взяла себя в руки и сделала акцент на музыку. Не к месту вспомнила, как ходила с друзьями последний раз в кино, как смотрела когда-то в его глаза... Нет! Надо выдавить из себя все воспоминания, только чтобы жить дальше.

Без разговоров мы прошли в кабинет, и расселись по сво-

им местам. Ясное осеннее небо заволокли тучи, и хорошее настроение перестало пытаться подавать признаки жизни.

– Эля, ты меня слышишь? – донеслось из-за стола преподавателя.

– А? Да! Что?! – я подпрыгнула на стуле, словно меня водой облили.

– Иди к доске и читай свое сочинение! – прошипела Танька с соседней парты.

– А! Секунду! – Я поправила капюшон серой толстовки и несмелым шагом направилась в центр классной комнаты. Подойдя к доске, я повернулась к одноклассникам и начала читать свой литературный шедевр:

– Что может для меня значить это чувство? Как распознать его? В каждой научной области «любовь» носит свой смысл. В энциклопедии написано, что любовь – это интимное и глубокое чувство, устремлённость на другую личность, человеческую общность или идею. В древней мифологии и поэзии – космическая сила, подобная силе тяготения. В книгах по биологии сказано, что только некоторые млекопитающие наделены свойством любить себе подобных, так как именно в организме млекопитающего вырабатываются пять гормонов: дофамин, серотонин, адреналин, окситоцин и вазопрессин. Но есть учёные, которые придерживаются мнения, что любовь – это специфическая деятельность головного мозга человека. Я же считаю, что как бы то ни было, есть то, что вызывает у меня ощущение любви: родители,

питомцы, близкие друзья, его голубые глаза и улыбка. Именно они заставляют мое сердце биться всё быстрее, и не думать ни о чём другом. Это чувство заставляет нас быть сильнее, поднимает в трудные минуты с колен, а зачастую, это всё, что держит нас на этой планете. Вот, что для меня значит это слово.

Одноклассники молча приняли мою писанину.

Я чувствовала, что на меня смотрят, и как бы хотелось этого не делать, но я подняла глаза и встретила взглядом со Славой. И у меня было такое ощущение, что он что-то заподозрил. Я влипла!

– Вот, уважаемый класс! Учитесь работать с научным материалом! А то вы все из интернета берёте, а так нельзя. Надо уметь пользоваться печатным материалом, учиться брать всё из книг! Эля, мне понравилось! Можешь садиться на своё место.

Я плюхнулась на стул. Калинин молча посмотрел на меня, улыбнулся и уткнулся в свою тетрадь.

– Сейчас следующий на очереди Калинин!

Слава встал:

– Анна Фёдоровна, можно я послушаю остальных, а потом прочту своё?

Учительница удивилась:

– Ты что, не дописал дома?

– У меня всё написано, но я хочу прочитать его позже. Можно?

– Хорошо. Пусть будет так. – ответила учительница и стала опрашивать класс дальше.

Слава сел на место и прошептал мне «жди».

Когда дошла очередь до Науменко, он позеленел, но вышел к доске. В прошлом он ходил к психологу, так как отчим запирали его в шкафу, из-за чего у Сергея развились страхи, в том числе страх выступления перед публикой.

– Ладно, приступим. Это очень красивое слово. Любить и быть любимым – это, как мне кажется, самое лучшее, что может с тобой приключиться. Уметь слушать, делать вместе то, что любит она, засыпать, думая о ней, поддерживать друг друга. Любовь – это просто быть вместе. Любовь – это то, чем надо дорожить и благодарить судьбу каждый день за то, что встретил её. Это неудачи и радость на двоих, полностью и без остатка. Когда ты можешь раствориться в человеке, договаривать за своей половинкой фразы или воспроизводить то, о чём она только подумала. Любовь – самое великое понятие на планете. Любовь-это сногшибательная страсть, которая, как шторм, бушует внутри вас всю жизнь, не позволяя чувству утихать ни на минуту.

– Серёжа, умничка! Я второй год тут работаю, как большинство преподавателей, но от мальчишек такого не слышала. Правда, текст коротковат, сотни не наберется.

«Нет! Это не он! Слишком мягко...»

В конце урока Калинин, как и обещал, зачитал свой шедевр, после которого стало понятно, при чем тут я и его

«Жди»».

– Это слово воспринимается по-разному: кто-то сразу представляет родителей, кто-то представляет своих детей, кто-то кота или собаку. У меня в голове сразу всплывает она: красивая, как Афродита, грациозная, как лань, нежная, как утренняя роза. И нет ничего приятнее, чем думать о ней, попытаться воспроизвести её голос у себя в памяти или держать её волосы, когда она обещает унитазу, что больше не будет пить текилу. И не важно, сколько вы знакомы: годы, месяц, день, секунду. Важно лишь то, что она есть, что она жива и с ней всё в порядке. И я люблю её за то, что она может изменить меня, сделать лучше. И даже ради того, чтобы просто поговорить с ней, я готов отдать свою душу. И, сколько бы не было испытаний передо мной, я пройду их во что бы то ни стало. Ради неё я восстану из пепла, словно феникс и укрою её ото всех невзгод. Любовь-это дополнение и доверие друг к другу на всю жизнь. Вот, что значит для меня любовь.

Я не могла оторвать глаз от него.

– Калинин! Ты превзошел самого себя! Она пьёт? – хватилась учительница.

– Нет. Отравилась печенюшкой разок. С кем не бывает. – ухмыльнулся он.

Я сидела, словно статуя, не шевелясь. Неужели, он написал обо мне? Конечно обо мне! Кто у нас мастер по дегустации?

Как только прозвенел звонок с урока, Слава повернулся

ко мне:

– Как ты смотришь на то, чтоб сегодня прогуляться до музыкального магазина вместе со мной?

Я оторопела. Нет, после открытки и такого сочинения я обязана согласиться.

– Можно, а что с тобой? – я заметила, как у него тряслись руки.

– Со мной ничего... Всё в порядке. Просто плохо спал. – но по его лицу было видно, что с ним что-то происходит.

– Да, ладно тебе. Музыка облагораживает. Мне как раз нужно кое-что посмотреть... (скорее бы уроки закончились!).

Я сидела как на иголках в предвкушении нашей прогулки, то и дело поглядывая и мило улыбаясь своему соседу по парте.

После последнего контрольного звонка в коридоре меня остановил Сергей.

– Ты на меня всё так же обижаешься? Какой я молодец. Неделю в школе, а уже успел поругаться с единственным адекватным человеком в классе.

Больше всего меня раздражала его детская непосредственность. Зачем делать вид, что мы не знакомы, если всё и так ясно? Нет, я не спорю, он возмужал за это время, но лицо осталось прежним. Его физиономию я запомнила на всю свою жизнь.

– Да, я не то, что обижаюсь. Извини, но говорить с тобой

сейчас не могу. В другой раз. — я оглянулась. Очень не хотелось, чтобы наш разговор засек Калинин.

— Да, я вижу.— понимающе покачал головой Науменко. — Новая жизнь и всё такое.

Тут вышел Слава. Как я предполагала, ему не нравилось общество Серёги.

— Ну что, Эля, ты готова? — интригуяще спросил Калинин.

— Конечно! Пойдём скорее. — я невольно улыбнулась Науменко и пожала плечами. — Извини.

Науменко нахмурил брови и удивленно спросил:

— А куда это вы?

— По делам. — рыкнул Калинин.

Всё. Сказал, как отрезал. И придраться не к чему. Хотя, поведение одноклассников было очень странным. У «старичков» при виде Науменко возникала гримаса ненависти, которую все пытались прятать за маской безразличия.

Глава 4

Я не знала, как себя вести, находясь с ним рядом. Сердце так колотилось, словно вот-вот вырвется из груди. От волнения у меня руки потеть начали. Этот кошмар не мог продолжаться дольше, и я решила начать разговор первой.

– А какую музыку ты любишь?

Тем временем я не знала, куда деть руки: моя правая то и дело норовила схватить Славу, но я вовремя это замечала.

Славик призадумался.

– Мне нравится неоклассика и альтернативный рок. Это увлечение сподвигло меня на обучение по игре на гитаре. А у тебя?

– Слушаю всё, кроме рэпа и попсы. Недомеломан.

– А любимые группы, песни?

– СЛОТ, t.h.e. Sacrament и Трактора. Альтернативный рок мне ближе всего. Маме не очень нравится репертуар, но она и шансон ненавидит, а некоторые песни слушает.

– Получается, что современную музыку ты не слушаешь?

– Я не могу не слышать этого кошмара, ведь крутят эти адские мотивы везде: что в рекламе, что по музыкальным каналам. Я стараюсь как можно скорее выключить телевизор или переключить канал. А так, в быту, спасаюсь наушниками.

Обсуждая исполнителей и современные хиты, мы не за-

метили, как дошли до магазина. Побродив по музыкальному залу, мы пошли рассматривать новинки фильмов.

– Кстати, как ты смотришь на то, чтобы сходить в кино?

У меня что-то упало ниже солнечного сплетения. В глубине души (где-то о-о-очень глубоко), я этого хотела, но чувство паники накрыло меня моментально. Хотелось бежать, орать и конфетку. Театрально выдержав паузу, я, наконец, ответила:

– Хорошая идея. Только фильм буду выбирать я.

– Тогда пойдем. Здесь нам делать нечего. – он положил диск на полочку и хотел взять меня за руку.

– Подожди, – остановила я Славу, – только фильм куплю. А то наш интернет-кабель кот перегрыз, чтоб он подавился. А дома без компа скучно. Скоротаю вечерок.

– У вас кот есть?

– Ага. Он так неожиданно появился. Забавно получилось. Хотя, если учесть, что его метка до сих пор источает зловоние, то не очень.

Я в красках рассказала ему историю появления Лютика, и про то, что он сейчас творит дома. Незаметно для меня наши руки всё же сплелись. Когда я это поняла, почувствовала, как вновь пылают огнём щёки.

Кинотеатр находился в двух кварталах от моего дома. Хорошо, что после позднего сеанса до дома рукой подать.

– Так какой фильм ты выберешь? – спросил Слава.

– Ближайший сеанс через десять минут, ужасы. Ты не про-

тив? – я мило похлопала глазками.

– О, хоть одна нормальная знакомая девушка! – выдохнул парень.

– В смысле?

– В смысле, что никто из моих знакомых девушек не смотрит ужасы. Они считают, что лучше глупых комедий ничего нет.

– Ну, у меня это уже в привычку вошло – смотреть ужастики. Извини, а знакомые девушки – бывшие?

Калинин проигнорировал мой вопрос.

– Тогда ты присядь пока, а я за билетами. – и он лунной походкой поплыл к кассе.

Я ждала его на мягком диванчике в холле.

«Неужели это моё первое свидание за последние два года? Интересно, на какой ряд он возьмет билеты...»

Я об этом и подумать до конца не успела, как Славик возник передо мной с двумя огромными ведрами попкорна и литровыми бутылками газировки.

– Я тут немного прикупил... Надеюсь, ты любишь попкорн.

– Ты мысли читаешь! Именно сегодня мне захотелось его как никогда раньше (набитый рот – оберег от невзгод)!

Он взглянул на билеты и осмотрелся:

– А вон там как раз открыли зал. Пойдем!

Мы двинулись к залу. Девушка-контролёр как-то странно улыбнулась, проверяя билеты. Я была права. Места бы-

ли ровно посередине ряда. А ряд последний. Но волнения не было, только панический страх. Именно поэтому я пересилила свою культурность и согласилась на попкорн.

Мы нашли свои места и сели максимально удобно. Вот свет погас и начался фильм. В зале, кроме нас, находилось ещё человек десять. Это был день, все на работе. И на ближайшие ряда четыре никого.

Пол фильма прошло нормально, без проблем, но потом Слава перешёл к наступлению. Он положил свою руку поверх моей.

«Плохой из тебя романтик. Тут кровяца фонтанами, если что. Подождать нельзя, что ли?»

«Нашел, блин, момент для романтики, решит, что я маньяк какой-нибудь».

Я уставилась в экран, чтобы на мгновение забыть об ужасном волнении. И тут же подскочила на своём месте от резкого момента в фильме. Я буквально вжалась в кресло и машинально ухватила за руку Славика. Тот от восторга засиял на весь зал. Решив приободрить, он приобнял меня. Я не знала, чего бояться: фильма, где одни маньяки и кровь льётся рекою или Славика, осмелевшего в конец. Да, знаки внимания хорошая штука, но на них придется отвечать, а я не планировала. Но прижаться к нему было так необычно. Это так радовало и заставляло биться сердце еще быстрее. Какие ужасы? Ужас происходил здесь. На месте 13 и 14. Мой одноклассник не упустил момента и теперь, кроме его глаз,

я ничего не видела. Про фильм на это время мы забыли оба.

Я вытерла размазанный блеск с губ и пыталась сосредоточиться на сюжете фильма, не выдавая свою радость идиотской улыбкой. От греха подальше я отодвинулась от Славика на другой конец кресла и набила рот попкорном до отказа. Еще одного поцелуя я не выдержу.

Но фильм вскоре закончился, и я, выйдя из зала, уткнулась в телефон. Он решил начать разговор:

– Ты извини меня, это как-то само собой получилось.

Обмусоливать этот момент я не хотела и попыталась перевести тему. Как всегда не удачно.

– Ну, всё, что ни делается, к лучшему. Пусть будет так.

– Ты так считаешь? Значит кот – моя лучшая работа. – он гордо вскинул голову и выпрямил спину.

– Какой кот? КОТ? Мой Люцифер? – я отпрянула от стены.

– Да. Я решил сделать тебе подарок, но очень стеснялся. Поэтому пришлось карабкаться на второй этаж и оставить бедолагу на подоконнике. Ты мне очень понравилась на вечеринке, а чья ты дочь известно, как мне кажется, всему городу. Найти твой адрес не составило большого труда.

– Даже не знаю, что и сказать. Животных мне ещё никто никогда не дарил. Где ты его нашел? Он же огромный!

– Я забрал его из приюта. Он мне сразу приглянулся.

Через некоторое время наши руки вновь сплелись, словно их магнитом притянуло. По дороге к моему дому мы мило

беседовали со Славой о фильме, о том, что снимать разучились, не смотря на спецэффекты.

– Спасибо тебе, что согласилась со мной пойти... на свидание. Фильм был отличный, попкорн тоже. – провожатый мялся на одном месте, явно что-то замышляя.

– Какое свидание? Ты ничего не говорил про свидание. Ты просто предложил пойти в кино. Слово «свидание» в приглашении не фигурировало.

– Ну, я не совсем точно выразил мысль тогда. Но это было свидание. Если ты против, то...

Я его перебила, коснувшись пальцами запястья:

– Всё нормально. Пусть будет свидание. Надо будет в календаре галочку поставить.

Славик удивлённо поднял бровь:

– У тебя не было молодого человека?

Меня слегка перекосило:

– Был, года два назад. Но, там всё так... Давай не будем об этом.

– Хорошо. Я заметил, что ты какая-то зажатая. – Слава нахмурился. – Извини, но...

И Калинин, сделав шаг вперед, поцеловал меня снова. Наверное, ему было слышно, как бьется моё сердце, потому что я чувствовала его удары у себя в висках.

Я вырвалась из его объятий:

– Нас увидеть могут ведь!

Славик снова сомкнул свои сильные руки вокруг моих

плеч:

– Неужели ты боишься?

Я пыталась держаться от обморока:

– Нет, просто не хочу быть предметом обсуждения в школе.

Он обнял меня крепче:

– Не беспокойся, не будешь. Ты можешь мне кое-что пообещать?

– Что угодно... – я не могла отвести взгляд от его красивых глаз...

– Не общайся с Науменко. Это всё, о чем я тебя попрошу.

– Почему? – я выкатила глаза от удивления и вырвалась из объятий, – Ты ревнуешь, что ли? – вырвалось из моего рта.

– Просто прошу тебя с ним не общаться. Можешь считать, что я пытаюсь тебя предостеречь. Ну и ревную, конечно... – он вновь переплел пальцы рук со своими.

– Ревнуешь? Не рановато? – улыбнулась я.

– Не знаю. Ты мне нравишься. Мне с тобой легко. Когда я раньше встречался с девушками, чувствовал себя иначе.

– А бывших у тебя много?

– Нет. Я встречался с Соломахиной. Но она вспоминала одного человека постоянно, и мы расстались, а теперь даже не общаемся. Но это к лучшему.

– Я не представляю, как это возможно. Извини. – я хихикнула, слегка отвернув голову.

– Да, всё нормально, – он отпустил меня и засунул руки

в карманы, — у нас многие так реагировали, когда узнавали. Меня девушки постоянно бросали. Я даже удивился, что продержался с Соломахиной аж целых четыре месяца!

— Почему? — я была в недоумении.

— Ну, я спокойный, не дурачок, не груда мышц. Девушки всегда смотрят на наружность и наличие денег в кошельке, а на внутренний мир им наплевать. Я не из богатой семьи и дать могу только чуть-чуть интеллекта.

— Что за глупости? Надоели мне эти стереотипы! Важно только, что ты хороший человек. Ты простой, прямолинейный, я сомневаюсь, что ты вообще умеешь врать. И, раз уж на то пошло, мне ты нравишься именно поэтому! Что толку от груды мышц? Тумбочки двигать?

— Потому я и пригласил тебя на свидание. — он слегка улыбнулся.

— События не торопишь? — моя манера говорить и комментировать не в то время раздражала, но молчать я не умела.

— Я знаю, чего хочу. Вот только... Ты будешь моей девушкой?

Я опустила голову вниз и обняла себя. Мне раньше не приходилось отвечать на подобные вопросы.

— Я боюсь, что вновь разочаруюсь.

— Не бойся. Всё будет хорошо!

— Проверим. — я заглянула ему в глаза. — Мне пора. — бросила я и убежала прочь, чмокнув его в губы.

Как только я закрыла за собой дверь, пришло сообщение: «Спасибо за вечер. Я надеюсь, что ты не откажешь мне ещё в одном свидании».

– Конечно, не откажу! – ответила я вслух.

– Привет, доченька! – мама была сейчас ну вот ни капельки не в тему. – А у нас в гостях Науменко! Представляешь, они из нашего города тоже!

Только одна его фамилия могла меня выбить из колеи.

Глава 5

Я быстро поднялась наверх, в свою комнату. Когда в комнату вошел Науменко, я стояла в одном нижнем белье.

– Выйди, пожалуйста. Я не одета. – грубо бросила я, но мою просьбу оставили без внимания.

Он подошел ко мне со спины и обнял.

– Так, пусти меня. А лучше, выйди из комнаты вообще, пока я маму не позвала! – я вырвалась из объятий и натянула халат.

Науменко подошёл ко мне вплотную и провел пальцем по руке:

– Ты мне нравишься!

– Нестандартный способ подкатить во второй раз, скажу я тебе. – я отвернулась.

– Зайка моя, не сердись на меня.

Он повернул меня к себе и поцеловал. Нахлынули воспоминания с нашей последней встречи. Но только одна фраза сломала всё, что было между нами тогда, и теперь я не отреагировала на поцелуй. Слишком много боли пришлось вытерпеть, чтобы чувство влюблённости просто стереть из памяти.

– Так ты приняла мои слова в серьёз тогда? Ну, должен же был я тебя задеть, сказав, что ты не в моём вкусе.

– Я достаточно слышала тогда, чтобы решить всё оконча-

тельно. Только одного никак понять не могу, ты и вправду решил, что можно вот так всё забыть и жить дальше?

– Ну, я много чего тебе не могу рассказать сейчас.

– Милый Серёженька, я позволю убраться из моей жизни самому. Я скрыла наше знакомство от одноклассников, но ты заставляешь меня развязать язык. А что касается твоих сказок, то оставь их себе. Я сыта ими по горло. А сейчас я задам тебе только один вопрос: моя мама знает о том, что мы... знакомы?

– Нет, она ничего не знает. Даже моя мать не знает об этом. А что такое?

– Просто не хочу, чтобы об этом кто-либо знал в принципе.

– То есть?

– Ты всё понял! Не надо прикидываться! Ничего не получится! Я занята. Тогда ты расстался со мной только из-за того, что я отказалась с тобой переспать, но сослался ты на то, что твою любовь выпили, не оставив и глотка. Сейчас же ты решил исправить эту ситуацию или тебе кто-то подарил пол литра этой любви? – говорила я, накидывая халат.

– А ты думаешь, что Слава не такой же, как все?

– Главное, что он не такой как ты.

– Ты уверена в своих словах? – давил на меня Серж. Он подошел так близко, что я почувствовала запах его жевательной резинки со вкусом банана и клубники. Тот, кто был мне всем, стал омерзителен.

– Да. Я уверена на сто процентов!

– Дура!

– Уже нет! – я оттолкнула его от себя.

Науменко опешил.

– Ты порвал со мной тогда. Теперь я буду диктовать условия. Либо мы остаёмся друзьями, и ты ко мне не лезешь, либо мамы узнают, что между нами было и почему мы не вместе, а с ними ещё и пол школы!

– Хорошо. Мы друзья. Уговорила.

Я ликовала. Это была победа над самым серым прошлым.

– А теперь выйди из комнаты, пожалуйста. – холодно кинула я.

– Хорошо. Встретимся завтра в школе.

Науменко вышел и с силой закрыл дверь.

Дни летели. Дом, учеба, Слава. С ним я проводила всё своё свободное время. В школе мы вели себя как друзья, вне неё мы были самой счастливой влюбленной парой.

Некоторые из одноклассников, а именно Соломахина Таня со своей вечной свитой, набивались ко мне в друзья. Она приглашала меня на вечерние посиделки, доставала в классе вечной болтовнёй. И казалось, этому конца и края нет.

Но у меня было такое ощущение, что одноклассники что-то скрывали. И я одна не понимала, что же происходит на самом деле. Как же я была далека от правды...

Прошло два месяца. Это время было самым лучшим периодом времени в моей жизни, когда я не задумывалась

об обмане, когда я не ждала ножа в спину. Мы гуляли после школы и проводили вместе все выходные, даже уроки делали вместе. Мама сдувала с моего ухажёра пылинки, и, в отличие от Науменко, он не лез ко мне с грязными намёками, а терпеливо ждал моего совершеннолетия. Планы были грандиозными.

Сегодня мы собирались с ним идти в боулинг, но он опаздывал. Я кормила своё самолюбие электронным циферблатом телефона. Его всё не было. На звонки он не отвечал, на сообщения тоже. Я волновалась, потому что на дорогах сейчас достаточно идиотов с покупными правами.

Вдруг, мобильник завибрировал. Звонил Науменко. Я нехотя приняла вызов.

– Что ты хотел? – я не желала с ним разговаривать, поэтому старалась отделаться от него как можно быстрее.

– Я был прав тогда. Он такой же, как и все.

– Ты о чем? – я пыталась понять его слова.

– Он у Соломахиной. И они там одни. Теперь дошло?

Он сбросил вызов.

В голове что-то щёлкнуло, и я рванула к однокласснице, которая так мастерски набивалась в подруги в начале учебного года. Не помню, как я дошла до пункта назначения. Очнулась тогда, когда стояла напротив её двери. Я начала звонить. Никто не открывал. Я пнула дверь ногой, и она со скрипом ударилась о стену прихожей. Внутри всё сжалось. Преодолевая страх, я прошла в гостиную. То, что я увидела,

не удивило меня ни капли, но оправдало мои самые страшные ожидания. На диване сидел Калинин. Он судорожно пытался расстегнуть рубашку. На коленях Славы, лицом к нему сидела Таня, которая помогала расстегивать пуговицы.

Я хотела облокотиться о стену, но промахнулась и опрокинула вазу. Она звонко разбилась. Ребята на диване прервались и повернулись в сторону источника звука.

– ...не буду мешать... – прохрипела я. Голос пропал куда-то вместе с силами, но надо было идти. Надо было бежать оттуда, и я рванула вниз по лестнице, из подъезда вон, бежать... быстрее... быстрее!!!

Мимо проносились люди, машины, витрины магазинов...

Я молилась, чтобы мамы не было дома. И мне повезло. Она увезла кота в ветеринарную клинику. Я заперлась в своей комнате и начала рыдать. Как только я закрывала глаза, всплывала одна и та же картинка. На полу плакать было холодно, и я перебралась на кровать, свернувшись калачиком. Мой плач убаюкал меня.

Порывами дождь барабанил по крыше. Я проснулась. Во рту пересохло, голова болела, в телефоне 16 пропущенных звонков, 13 из которых от Калинина. И сообщения: *«Возьми трубку. Нам надо поговорить»*. Одно я знала точно: не сегодня.

– Чёрт!!! Да не может быть!!! Козёл!

Я швырнула телефон в стену. Аппарат с треском разлетелся на запчасти, а экран стал похож на мозаику. Дрожащи-

ми руками, вытирая слёзы, я достала свой старый телефон из ящика стола. Этот мобильник пережил не одно падение.

Было до такой степени паршиво, что хотелось выть и на стены лезть.

Как только я нашла симку в обломках сотового и включила свой старенький кирпич, пришло SMS. Писал Сергей.

«Привет. Чем занимаешься? Мы скоро приедем к вам. Ставь чайник.»

– Вот только этого мне не хватало, – прошипела я недовольно, – Мама, какие гости, твою медь?

Я собрала осколки разбитого телефона и, выбросив их в мусорное ведро в ванной, уперлась в дверь головой. Мое состояние невозможно было описать на этот момент. Мне хотелось верить, что всё будет куда лучше.

Буквально через пять минут за окном раздался скрежет тормозов.

– Ну почему всё сейчас? – я обхватила голову руками, но собралась духом, вытерла слёзы и повернулась к раковине.

Холодная вода обжигала лицо.

– Помнишь? Не раскисать! Соберись, тряпка! – ох, этот чёртов комок в горле.

Я спустилась вниз. На глаза попались мои очки для работы за компьютером:

– Это хоть немного отвлечёт от моих красных глаз.

Дверь открылась, и в прихожую ввалились гости. В руках

Сергея была коробка с тортом.

– Здравствуй Эльвира! – произнесла высокая кареглазая блондинка, – Меня зовут София. Я мама этого оболтуса.

– Да, я уже поняла... (помню я твои фотографии в рамках). Здравствуйте.

– Привет! – крикнул с кухни Науменко.

– Эля, идите пока наверх. Нам с Софией надо кое-что обсудить. Сейчас приедет съёмочная группа. Им понадобилось снимать меня в восемь вечера. Займитесь там чем-нибудь. – мама выглядела уставшей.

– Мама, ты скоро в обмороки падать будешь. Твои синяки под глазами не замажет ни один профессиональный визажист. Ты сегодня ела?

Она закатила кверху глаза:

– Так! Кто тут старшая?

– Наверное, я!

Не успела мама возразить, как в дверях показалась стойка софитов. Съёмочная группа приехала.

Скорчив недовольное лицо, я пошла в комнату. Голова раскалывалась.

– Как ты? – спросил Сергей. – Выглядишь не важно. Я тут принёс торт и чай. Давай поговорим. Мы давно с тобой не разговаривали по душам.

– Я не в порядке и это факт. За торт с чаем спасибо, а по душам мы с тобой никогда и не разговаривали. – я пыталась сорвать на ком-нибудь свою злость и обиду.

– Тогда давай наверстаем упущенное. – он поставил поднос на письменный стол.

– Что именно тебя интересует? Больно ли мне? Больно. Плохо ли мне? Очень. Но это не больше, чем ТОГДА. Поверь, я помню.

– Я не это имел в виду. – он положил руку на моё плечо.

Я с силой пихнула её в сторону:

– А что?

– Ты такая счастливая сегодня утром бегала, а сейчас. Лучше бы я не звонил тебе и не говорил кто, где и с кем.

– Ну, лучше горькая правда. – в горле опять образовался комок.

– Таня мне как-то сказала, что Калинин ей нравится еще с седьмого класса. А сегодня книгу ей занес, а там даже дверь не закрыта была. И ведь, вроде, он расстался с ней давно уже. Какого лешего он к ней попёрся?

– Мне всё равно. – выдавила я, глотая слёзы.

– Раз вы не пара, я могу пригласить тебя на свидание.

Я забыла, что плакала. От такой наглости мои глаза стали размером с пятирублевую монету:

– Ты издеваешься надо мной? Какое свидание может быть?

– Обыкновенное! Отвлечёшься от всего, что вокруг. – он наступал, как Гитлер на Россию, с упорством.

Я села за письменный стол и стала ковырять ложкой торт, в надежде, что это всё скоро закончится, если я буду его иг-

норировать.

– Нет. Извини. Я не могу вот так... не могу.

– Мне хватило взглянуть на тебя, чтобы понять, что творится в душе, – и Сергей подошел ко мне. Он обнял меня за плечи и тихо произнёс:

– Ты мне очень нравишься. Не отказывай мне, пожалуйста. ста.

Я подавилась куском бисквита.

– Ты считаешь, что после того, что было, я соглашусь с тобой куда-либо идти? Ты в своём уме? Или, может, ты опять позовёшь картинки посмотреть?

– Эля, я изменился. Ты же изменилась, неужели я не могу?

– Не знаю. Я никому не хочу верить. Воспоминания слишком давят плечи.

– Я прошу, не отказывай! Я не буду приставать! Честно!

Мне захотелось забыть всё, что произошло за последние 24 часа, включая разговор с Науменко, но понимая, что он так просто не отстанет, обещала подумать. Обещать – не значит встречаться.

Глава 6

Наутро, в очередном ожидании школьного автобуса, я поняла, что отношения для нормальных людей, но не для меня. Я хотела расцарапать лицо Соломахиной больше, чем мира во всём мире. И ещё больше этого мне не хотелось видеть Калинина.

Но вопреки желаниям автобус приехал. Милая улыбка полоснула меня по сердцу. Я переключила на Tracktor Bowling «Время».

«Не обращаю внимания, еду до школы. Терпи, терпи.»

Он что-то объяснял мне и жестикулировал руками. Любый регулировщик движения позавидовал бы ему сейчас. Но я не слушала, а он понял, что говорит всё это время впустую, когда увидел зелёный провод от наушников среди моих волос.

Автобус остановился. Моя миссия тайного исчезновения была провалена, ибо он для верности схватил меня за руку перед самым выходом.

– Эля! Ты издеваешься? Ничего не было ведь!

Я молча вырвала руку и не стала тормозить движение потока учащихся. Меня практически сбила с ног Танька Соломахина. Она накинулась на бедного Калинина, как ястреб на добычу, впившись в его одежду своими наращенными когтями. И как он не пытался увернуться, она таки поцело-

вала его. Хорошо, что хоть в щеку.

Меня начало мутить.

– Слава! – воскликнула она. – Ты вчера так быстро ушел! Даже не попрощался!

Калинин оттолкнул девушку:

– Ты обалдела, что ли? – и беспомощно-виноватым взглядом посмотрел на меня. Я сложила руки на груди:

– И это ты называешь «ничего не было»? Удачи.

Словно ножом по сердцу... «И снова просить, то чего не вернуть, легче уйти, чем пройти это путь...» раздалось в тот момент в моих наушниках.

Я никогда не понимала нас самих. Ну, вот отчего мы не можем обсудить проблему с любимым человеком? Почему мы бежим от него, как от огня? А ведь нет ничего проще, чем выслушать. Может, и жить станет проще, и проблем станет меньше, и любимый будет любимым. Я тоже задумывалась над этим, но очень редко. Хотя, я не сказала б, что была легкомысленна. Нет! Но обида жгла меня изнутри, ровным счётом так же, как огонь сжигает полено. Обида. Сколько пар она разрушает ежедневно...

Слава подждал меня всюду, и, словно тень, преследовал на протяжении всего учебного дня. Не знала, что хуже: сидеть рядом с ним или избегать его на каждой перемене.

Последние два перерыва я провела в туалете, потому что это было единственным местом, где он до меня не мог добраться. Но всю дорогу от туалета до кабинета, где прохо-

дил урок, он шёл рядом, как телохранитель. Меня это окончательно достало:

– Отвали от меня! Ты не понимаешь с первого раза, так я могу второй сказать: ОТ-ВА-ЛИ!!! Иди к своей милой, любимой Саламандре, а от меня отстань! Чтобы я тебя в радиусе километра от себя не видела!

– Да ты дашь мне сказать или нет?! – начал орать на меня в ответ Славик.

– Нет! Заткнись и исчезни! – вопила я на весь коридор.

– Плакать ведь будешь, если исчезну! – расплылся в ехидной улыбке Калинин.

– По тебе уж явно нет! – я повернулась к нему спиной и направилась в класс.

Из коридора слышались аплодисменты.

После того, как все контрольные были написаны, я собиралась домой. И, как обычно, планировала поход пешком с любимой музыкой.

Я столкнулась с Науменко у моего любимого подоконника при попытке к бегству.

– Так и каков ответ? – тихо спросил он у меня.

Я, заметив Калинина неподалёку, достаточно громко ответила:

– Ты про свидание? Конечно в силе! Почему бы и нет? Всем можно, а мне нельзя? Давай ты просто придешь ко мне. Чай, кофе – потанцуем... Я тебе напишу когда и во сколько! – наиграно ответила я с расчетом на то, что он воспримет

это в шутку.

Науменко посмотрел на меня с неким удивлением, и, видимо, юмора не понял.

Калинин выронил книги.

Мы, не задумываясь, причиняем боль дорогим сердцу людям, делая больней и себе. Мы играем, что нам плохо, когда просто не хватает внимания, придумываем всякие нелепицы и оправдания себе и своим действиям. И почему мы никогда не ставим себя на место других? Мы страдаем тогда, когда можно всё решить обычным разговором. Гордыня, гордыня не дает нам жить мирно.

Глава 7

Мама собиралась за город. Сегодня у неё был тридцать седьмой день рождения. Она долго уговаривала меня поехать с ней, но я отказалась, сославшись на кучу домашнего задания и плохое самочувствие. На самом деле я решила устроить себе день отдыха, побаловав своё тело всякими масками, маникюром, педикюром и прочими девичьими радостями.

Как только мама отъехала от дома, я ринулась к нашему любимому бару. Дико хотелось снять стресс, да и маски действуют лучше в симбиозе с красным вином. Странно только, что мне вообще захотелось вина. Не любила я пить, и не умела, но моё паршивое душевное состояние требовало невозможного: напиться.

Спустя два часа утомительных процедур в моей голове что-то зазвенело, но, так как я была в изрядном подпитии, то не сразу сообразила, что это был звонок в дверь.

Шаткой походкой я пыталась преодолеть, казалось бы, небольшую лестницу, но в данный момент она казалась мне спуском с Эвереста, и одно неловкое движение могло повлечь за собой месяцы без движения.

– Ик-кого ж там принесло?

Не смотря в глазок (глаза уже плохо фокусировали после полутора бокалов), я тут же распахнула дверь и после моего

«УХ, Ё!!!» с хлопком закрыла обратно.

На пороге стоял Науменко. Чтобы он не увидел мою шёлковую ночнушку, которая не прикрывала того, что надо прикрывать, я приоткрыла дверь и просунула голову в проем.

– Ха! Ничего себе, красавица! А тебе идёт! Может, в школу так будешь ходить?

Не понимая, что его так удивило, я посмотрела в зеркало, висевшее на двери, и ужаснулась. Я забыла смыть маску!

– Мне так и дальше стоять на пороге? – еле удерживая смех, спросил Сергей.

– Ты пока проходи, а я сейчас! – я стартанула наверх. Не рассчитав длины своих ног. Я соскользнула с третьей ступеньки лестницы и, упав на колени, выставила свою пятую точку на всеобщее обозрение.

– Эээ... Это ты так меня завлекаешь? – Науменко расплылся в улыбке.

Я сфокусировала на нём свой серьёзный взгляд. Он протянул вперед руки:

– Всё, всё! Молчу! Иди, умывайся, смурфик.

Преодолевая Эверест, я многократно пожалела, что именно сегодня мне приспичило снимать стресс.

Со скоростью звука я привела себя в надлежащий вид (по крайней мере, мне казалось, что я была быстрее черепахи). Когда я спустилась, он с наглым видом восседал на кресле в гостиной и допивал моё вино.

– Слушай, я не особо сухое красное люблю. Есть что по-

крепче?

Я подошла к бару и с гордым видом распахнула дверцы:

– Что будешь?

– А вискарь есть?

Тут я поняла, что вечер не будет таким тихим и спокойным, как я себе его представляла. Разлив по бокалам элитный алкоголь, я села напротив парня.

– А ты так всегда вечера проводишь?

– Слушай, я не ждала, что ты придёшь, так что не твоё дело, как я провожу вечера.

– Так ты ж сама меня звала к себе в гости.

Я смутно припомнила разговор в школе.

– Я не думала, что ты воспримешь мою шутку всерьёз. Но, прошу заметить, время и дату я не назначала! – я положила ногу на ногу.

– Так это была шутка или ты просто решила повыпендриваться перед Калиной? Обидно, знаешь ли, когда тебя так используют!

– Ой, ну простите, ваше величество! Не всё же меня использовать!

После второго глотка, я поняла, что меня накрывает. Науменко, поняв моё состояние, пересел на диван, поближе.

– Ты такая милая, когда пьяная. – Он приобнял меня за плечи.

– Можно подумать, ты меня видел в таком состоянии!

– Сейчас вижу!

Очень хотелось вырваться, но мозг команд не различал. Внутренний дискомфорт подсказал, что мне необходимо отвлечь его, иначе быть беде. Я вспомнила про домашку по математике и решила попросить помощи. Науменко знал математику лучше, чем свои пять пальцев. «Пока он будет её решать, я немного протрезвею».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.